

КАТЕГОРИЯ ГИПЕРМОДЕРНА В КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

HYPERMODERN CATEGORY IN CULTURAL STUDIES

Э. А. УСОВСКАЯ
E. A. USOVSKAYA

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: usouskaelina@gmail.com*

В статье рассматриваются подходы к пониманию категории гипермодерна, культуры и общества конца XX в. и первых десятилетий XXI в. Сложность развития цивилизации, новые вызовы и угрозы вызвали необходимость в поиске названия этого периода и выявлении его основных признаков. Гипермодерн рассматривается как продолжение постмодерна, с одной стороны, с другой – как его альтернатива. Среди наиболее актуальных подходов следует выделить идеи Ж. Липовецки и М. Оже, Дж. Армитаджа, В. Варга.

The article discusses approaches to understanding the category of hypermodernity, culture and society of the late twentieth century and the first decades of the 21st century. The complexity of the development of civilization, new challenges and threats made it necessary to search for the name of this period and identify its main features. Hypermodern is seen as a continuation of postmodern, on the one hand, and on the other hand, as its alternative. Among the most relevant approaches, one should single out the ideas of J. Lipovetsky and M. Auger, J. Armitage, V. Varga.

Ключевые слова: гипермодерн; постмодерн; культура; концепции; неопределенность.

Keywords: hypermodern; postmodern; culture; concepts; uncertainty.

Противоречивость развития мира конца XX в. и особенно первых десятилетий XXI в. вызвали сложность и в исследовании культуры в самом широком смысле ее понимания. Культурные исследования обратили внимание на разные факторы, процессы и последствия, приведшие к ее трансформациям, среди которых следует назвать мультикультурализацию, дигитализацию и возникновение новых глобальных вызовов, в том числе терроризма и региональных войн, пандемий, неотъемлемых от экологических проблем. Как эти факторы, культурные повороты постмодерна, сам постмодернистский тип культуры, его всеохватывающая рефлексия скажется на грядущем столетии стал, пожалуй, одним из значимых вопросов. Нельзя сказать, что постмодерн 1960–90-х гг. внес существенную ясность в пути дальнейшего развития человеческой цивилизации, но он наметил его определенные контуры, векторы, среди которых стремление к реальному равноправию, в том числе расовому, национальному, гендерному. Однако действительность второго десятилетия нового века показывает поворот в сторону авторитаризма и ультраконсерватизма, абсолютизацию понимания категорий свободы и нормы-традиции. Констатация неопределенности, текучести, зыбкости ситуации нового столетия звучала неоднократно, что не внесло ясность в саму проблему сути идущего за постмодерном периода и его наименования.

Термин «постмодерн» как синоним радикальной эмансипации или эквивалент массовой культуры, или как аналог общества потребления вызывал критику и неодобрение. Социальные науки искали ему замену в виде ультрамодерна / ультрамодернизма,

метамодернизма / метамодерна, постпостмодерна / постпостмодернизма, гипермодерна / гипермодернизма. Необходимость их появления также совпала со временем так называемого смягчения риторики постмодернизма, часто воспринимаемой как «отрицание», т. е. негативизация модерна, а также с ярко выраженной тенденцией информатизации мира и экономики, повышением роли коммуникации в самых разных ее формах и универсализации. Для нас данный период не представляет собой новую альтернативу постмодерну, а рассматривается как его второй этап – 1980–1990-х гг.

Пожалуй, ни одно из понятий не укоренилось прочно ни в социально-культурном, ни в научном дискурсах. Тем не менее популярность приобрел термин «гипермодерн/гипермодернизм», некоторые содержательные стороны которого были раскрыты Ж. Липовецки и М. Оже. Следует отметить и попытки эксплицировать альтернативное постмодерну состояние канадскими политологами А. Крокером и Д. Куком («Постмодернистская сцена. Эскрементная культура и гиперэстетика»), которые в большей степени критиковали постмодерн в разрезе художественных идей и практик, а также тела и телесности, но не предложили более или менее четкого объяснения, собственно, гипермодерна. Добавим, что временные границы гипермодерна не совсем понятны: охватывает ли он лишь два десятилетия XX в. или это период, относящийся и к первой четверти (половине) XXI в.

Исследуя современную проблематику антропологии, «событийность» рубежа XX–XXI в. – еще толком неатрибутированного периода, места и времени, называемого гипермодерном, – Марк Оже стремился найти его сущностную черту. С его точки зрения, такой чертой является избыточность. Он писал: «Новым является не то, что у мира нет смысла (или мало смысла, или же меньше смысла, чем раньше), но то, что мы явственно и интенсивно испытываем потребность в придании миру смысла – именно миру, а не той или иной деревне или роду. Эта нужда в придании смысла если не прошлому, то хотя бы настоящему есть расплата за избыток событий, характерный для ситуации, которую мы именуем “гипермодерном”, подчеркивая ее ключевую характеристику: избыточность» [1, с. 17]. Избыточность проявляется в новом ощущении и понимании времени, пространства, человека и еще только начинает осознаваться научной средой и человечеством в целом: нам еще предстоит научиться видеть мир по-новому.

С одной стороны, новые информационные (и не только) технологии, наличие крупных международных сетей в самом широком смысле этого понятия продуцируют единство мира и сужают восприятие географического пространства. С другой – рождают потребность существования в рамках «своего» места и идентичности, корней. Видимо, на пересечении этих реалий рождается феномен «не-места», столь свойственный гипермодерну, в виде аэропортов, гостиниц, магистралей, супермаркетов, центров пребывания и т. д. [1, с. 18]. Проблемность таких мест состоит в отсутствии устойчивой идентичности, антропологичности, истории времени и пространства, сопричастности к ним человека или сообществ. Идентичность как таковая не исчезает, но она существенно меняет свой характер. Ее маркером служат временная ролевая общность – пассажиров, едущих в поезде или летящих в самолете, сидящих в кинозале зрителей, людей, оказавшихся в пунктах временного нахождения (Центры помощи, беженцев и т. д.). В условиях дигитализации и массовизации культуры такие общности не прочны и распадаются, как только выполнена их задача. Поэтому, видимо, «Не-места» приводят в итоге к миру, уготованному «для одиночества индивидуальности, транзитного движения, временности и эфемерности...» [1, с. 36]. Впрочем, «не-места» не стоит относить исключительно к негативному феномену массовой культуры, поскольку они обладают характером разрыва, локализацией, рождающей новые типы связей и взаимодействий.

Концепт гипермодерна Жюль Липовецки свидетельствует о стремлении французского исследователя выявить признаки, черты новых, еще не вполне осознанных событий и явлений 1980–90-х гг. Этот период, гипермодерн, при всей своей «новизне» представляет, на его взгляд, собой некий переход к новой, или второй модерности и поэтому включает в себе настоящее, которое «непрестанно эксгумирует и “переоткрывает” прошлое» [2, р. 149.]. Подобная интерпретация дает основание полагать, что гипермодерн является частью постмодерна, возникшего еще в 1960-х гг. в контексте контркультурных движений [3, с. 157]. Экспликация постмодерна/постмодернизма, осуществленная Липовецки на основе анализа теории Д. Белла, в том числе и в рамках критики общих интенций в развитии искусства, позволяет заключить, что основной характеристикой постмодерна является потребление в самых разных его формах, а также, как ни парадоксально, «беспрецедентная персонализация личности» [3, с. 160].

В. Варга, исследуя черты гипермодерна, связывает его категорией телесности, новейшими технологиями, приводящими к возможностям изменения тела и его конструированию, отмечал, что он не представляет собой разрыв с постмодерном, а есть усиление его черт и тенденций [4, р. 210]. Гипермодерн демонстрирует феномен так называемой избыточности – явления, при котором современность (постсовременность) выходит за собственные пределы и оказывается в точке кризиса. Более того, он включает в себя не только черты современности (modern) и предмодерна (premodern) [4, р. 210].

Еще одно понимание гипермодерна было дано Дж. Армитаджем. Выразим согласие с мнением российского исследователя А. В. Павлова, который рассматривал позицию британского исследователя как в некотором роде примиряющую модернизм и постмодернизм, как отказ от оппозиционной бинарности между ними «посредством признания остроты “гипермодерна”» [5, с. 26]. Об этом свидетельствует термин «гипер», примененный Армитаджем в интервью с П. Вирильо: «Мне кажется, что ваша работа, касающаяся в первую очередь технологических, городских и социокультурных изменений – это работа кого-то, чье мышление обращается к проблеме того, что можно было бы назвать “сверх” или “гипермодернизмом”?» [6, р. 26]. Гипермодернизм, выявляемый Армитаджем из анализа творчества и деятельности Вирильо, приобрел характер культурного явления, которое относится не столько к чисто художественной проблематике, но в большей степени касается социально-культурного феномена, включающего, скажем так, достижения модернизма и постмодерна: гипермодернизм выглядит как явление, реальность, неотъемлемая от технологичности цивилизации и ее атрибутов – медиа, коммуникации, скорости; как «логика позднего милитаризма» [7, р. 9].

Заявленные концепции демонстрируют неоднозначность в формулировании черт и названия временного и содержательно культурного отрезка, идущего за постмодерном. Очевидно, что это далеко не полный перечень позиций, сосредоточивших внимание на категоризации, возможно, какой-то наступившей/наступающей новой эпохи. Тем не менее ее атрибутируют в качестве постпостмодерна, гипермодерна, второй модерности. Гипермодерн как термин, на наш взгляд, в некотором роде гиперболизирует черты постмодерна, с одной стороны, с другой – стремится показать его трансформацию с 1960–1970-х гг. Поэтому он не отражает, да и не может отражать всей полноты культуры и ее названия конца XX и первых десятилетий XXI в. Исследователи видят преемственность постмодерна в продолжении технологизации и дигитализации мира, как и связь между модерном и реалиями XXI в. Возможно, сам термин «гипермодерн» может служить экспликацией черт не столько постмодерна, сколько самого модерна. В таком случае может быть понятна мысль о милитаризации экономики и общества, поворот к ценностям и установкам, говоря словами Ф. Фукуямы, к истории в отличие от постистории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна/ М.: Новое литературное обозрение, 2017.
2. *Lipovetsky G.* Time Against Time, or The Hypermodern Society. Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century. N. Y.; L.; New Delhi; Sydney, 2015. P. 191–208.
3. *Липовецки Ж.* Эрапустоты. Эссе о современном индивидуализме СПб., 2001.
4. *Varga V.* The Body – The New Sacred? The Body in Hypermodernity // *Current Sociology*. 2005. Vol. 53(2). P. 209–231.
5. *Павлов А. В.* Образы современности в XXI в: гипермодернизм // *Философский журнал*. 2019. Т. 12. № 2. С. 20–33.
6. *Armitage J.* From Modernism to Hypermodernism and Beyond: An Interview with Paul Virilio // *From Modernism to Hypermodernism and Beyond*. L.; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2000. P. 25–56.
7. *Armitage J.* Introduction // *Paul Virilio. From Modernism to Hypermodernism and Beyond*. L.; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2000. P. 1–23.